

Только вот не слышать бы этих чёртовых кошек! Уже какой вечер подряд с улицы раздаются их брачные завывания. Ольга Ивановна высунется из окна:

– Тихо вы, мерзавцы! Ни сна, ни отдыха с вами! – закричит она куда-то в темноту, туда, где, как ей кажется, происходит эта кошачья возня. Не удержавшись, она высунется из окна сильнее, ещё чуть-чуть. Вот так вот должен был свеситься из окна Петрович, чтобы мог выпасть... Она стоит на самых цыпочках, едва дотрагиваясь пола кончиками тапок. Что он там высматривал, старый дурак. Ольга Ивановна взглядом пытается ощупать тёмные тени, проступающие под её окнами, как вдруг задрожит всем телом.

Там! Она видела его у кустов шиповника. Так оно и было. Всё то же, что и вчера: что-то её будит, она встаёт и закрывает окно... Старик Петрович туда что-то тащил! Теперь она совершенно отчётливо вспоминает, как она видела его в кустах. В тот момент она не придавала его действиям никакого значения. С чего бы? Этот ненормальный старик часто носил туда сортировать свои новые трофеи: вытащенное из мусорок барахло, кипы бумаг и бог знает, что ещё. Ей надо срочно идти туда посмотреть!

Она торопливо ищет фонарик: он на том самом месте, где она видела его вчера во сне. Железная дверка ящика легонько скрипнет, какое-то время она с ней борется, потом сработает магнит и раз – дверка закрыта. Ольга Ивановна быстро проверит, работает ли фонарик: светит слабовато, но вроде достаточно. Вслепую натягивает на себя пальто – в мыслях она уже во дворе. Она пытается представить себе этот небольшой хмурый участок: давно забытая песочница, Машина скромная грядка с луком в правом заднем углу, влево слива, на которой вот уже несколько лет растут лишь сморщенные уродцы.

Если там Петрович что-то спрятал, то должен был это сделать очень тщательно. И лопату для этого взял! Ну да, всё сходится! Ольга Ивановна захлопнет дверь и положит ключи в карман пальто. Он что-то там закапывал, а так как в земле полно камней и разного мусора, то поднявшийся шум её и разбудил. Но зачем он это так прятал? Да ещё один! Ведь договаривались же с Михальчем-то. Хотел это спрятать, чтобы только ему достался? Этот самый таинственный «павлин» (она ухмыльнётся сама про себя)? А Михальчу это не понравилось! Пришёл к нему, вот они и ругались... Она уже внизу, открывает входную дверь, как вдруг от волнения ключи выскальзывают из рук. Но в отличие от странного сна в коридоре светло, и Ольга Ивановна живо поднимает связку с пола. Всё-таки сны – это лишь сны.

Порыв холодного ночного ветра возвращает её к реальности. Она как вкопанная стоит у подъезда, прислушиваясь к темноте. Через арку видно улицу, пустынную в это ночное время. Лишь тихо гудят уличные фонари. Вокруг ни души, она сжимает в кармане фонарик и осторожно идёт вдоль стены дома к его заднему крылу. Вот перед ней открывается дворик, она узнаёт очертания до боли знакомых деревьев. Фонарик лениво жмурится своим жёлтым глазом, чуть дрожа освещая землю под ногами. Листву, собранную в опрятные кучки, давно разбросал ветер, и она шуршит с каждым шагом Ольги Ивановны.

Она на месте. Где-то здесь он копал, где-то здесь Ирина Николаевна должна была найти испорченную лопату. Металлолом типа. Всё-то она преувеличивает. Да она здесь не могла пролежать больше...

Внезапно в кустах у стены что-то шевелится. Ольга Ивановна на мгновение усмехнётся: «Цыц, паршивец усатый, меня на испуг так просто не возьмёшь!» Затем ветви раздвинутся, и от испуга у Ольги Ивановны потемнеет в глазах. Светящийся конус остановится на Борисе Михайловиче. Откуда ни возьмись он стоит перед ней, а это устрашающее выражение лица! Фонарик падает из её рук и уже не светит. Прежде чем она успеет закричать, тёмная рука затащит её в кусты.

Это конец! Он тащит её за собой, да он ей шею свернёт!

Он душит её своей лапой, затыкает ей рот так, что она не может дышать. Ноги Ольги Ивановны безвольно тащатся по земле куда-то в глубины шиповника. Останутся после неё лишь эти две бороздки на земле! Никто никогда её здесь не найдёт!

Он её закопает!

Разрежет на куски!

Михалыч хрипит от усилия, пыхтит ей прямо в ухо.

Убьёт!

Изнасилует!

Слёзы ручьём текут из глаз Ольги Ивановны, она вопит, уткнувшись в грязные ладони Михалыча так, что её губы разодраны – какие же грубые у него руки! Ах, как больно!

Потом хватка ослабнет. Ольга Ивановна упадёт на землю, неожиданный удар на мгновение её ошеломит. Она безвольно лежит, чувствуя лишь удары собственного сердца. Тук-тук-тук-тук. На губах она всё ещё ощущает отпечаток его грязной лапы. Нечистый наклонится над ней, они практически дотрагиваются лицами. Вдруг ей в нос ударит его тошнотворное дыхание:

– Тсссс, тихо ты! Я тебе ничего не сделаю, Оля, только тихо!

Близость его нагоняющего ужас лица совершенно парализует Ольгу Ивановну, она лежит не двигаясь, лишь ноздри раздуваются как у бегового скакуна. Присев, Михалыч что-то настороженно высматривает сквозь тонкие ветви.

Сюда кто-то идёт! Ольга Ивановна закрывает глаза и начинает молиться. Господи, пусть идёт сюда! Сделай так, чтобы нас здесь нашли раньше! Я не хочу умирать! Она изо всех сил напрягает слух, задерживает дыхание и точно! Какой-то шорох! Тихие шаги по листве!

Михалыч неосознанно ещё сильнее пригнётся, сосредоточенно следуя то, что происходит перед кустарником. Тёмная фигура кружит вокруг них, туда и обратно, и опять туда. Два раза Ольга Ивановна слышит приближающиеся шаги, два раза в ней загорается искра надежды. Да ведь должен же быть виден фонарик на земле! Шаги на мгновение прекращаются. Все трое словно замерли. Скорченная на земле Ольга Ивановна, съёжившийся в невидимый клубок Михалыч и незнакомец. Он должен стоять совсем близко к ним! Пара секунд... и по шороху листвы Ольга Ивановна понимает, что он уходит.

Михалыч ещё какое-то время не ослабляет своих объятий, сдавливая рот Ольги Ивановны своей клешней. Как только зубы целы остались! Но вдруг его хватка слабеет, совсем немного, но уже можно чуть пошевелить нижней челюстью. Он наклонится к её уху.

– Оля, я тебе не хочу ничего сделать. По-другому нельзя было, ты бы меня выдала. Пока совсем не успокоишься, я тебе рот ещё попридежу. А пока я тебе кое-что расскажу, – он замолчит на минуту. – Вот увидишь, когда я тебе всё расскажу, сама не захочешь кричать. Ты мне кивни, чтоб я понял, что ты согласна.

Ольга Ивановна едва наклонит голову, но ему как знака согласия достаточно и этого.

– Я здесь, чтобы закончить то, что бедняга Антон уже не успел. Мне пришлось долго скрываться, полиция наверное думает, что я к его смерти руку приложил...

Ольга Ивановна таращится в темноту. Так всё-таки! Полиция тоже подозревает, кто убийца! И почему она уже давно не зашла к тому узату следователю?! Это всё её подозрительность!

– ...а это ведь полнейшая ерунда. Что бы я с этого поимел? Что с него взять-то? Это ведь друг мой был. А сейчас... я ведь даже на похороны к нему не мог!

Это что, вроде сожаление?

– Ну а сейчас к тому, зачем я собственно здесь. Я тебя в кустах не подждал, ты не думай. Я вообще не знал, что ты сюда придёшь. Видимо, о чём-то уже догадываешься, поэтому и рыскаешь тут тайком с фонариком. Не знаю, что ты там обнаружила, может, мы с тобой здесь оба по той же самой причине. Да даже если так, то всё равно я тебе лучше всё по порядку расскажу. Потом, глядишь, и успокоишься... Ты меня прости.. Не хотел я тебя напугать... – Михалычу явно не по себе.

Тишина, и только в груди у Ольги Ивановны тук-тук-тук-тук.

– Как-то раз так же вечером мы с Антоном бродили по тому богатому району, тому, что за мясной лавкой Ильи. Ты ведь его знаешь? Я в тех-то местах бывал уже не раз, там можно на знатные вещи натолкнуться. Богатые выкидывают прям настоящие сокровища.... – он на минутку задумается. – Ну вот и вдруг – какая-то мадам выходит из машины. Что-то брякнет об асфальт, я аж голову высунул из мусорки. Ну это что-то металлическое, видать, было, так загромыхало. Мадам ещё по-быстрому с шофёром поцеловалась – в тот момент я её и узнал – потом машина уехала, такое авто шикарное, ну и опять никого на улице. Мы с Антоном слышим, как бабёнка дверь открывает, потом дверь захлопнулась. Понятно, что она там живёт – такой красный особняк с башенкой, если знаешь. Ну судя по всему наставляла рога муженьку, это жена одного бизнесмена. А я иду посмотреть, что за вещица у неё упала. Оля, ты и представить себе не можешь! Да такое и во сне не приснится! – он посмотрит на неё, и в его глазах видны искры восхищения. – До чего красивая вещица, на лацкане носится. Брошь. С первого взгляда видно, что антиквариат! Ну мы с Антоном её взяли, решили, что сперва её спокойно рассмотрим при свете и попробуем выяснить цену. Отнесли мы её к антиквару одному, а он нам и говорит, что за двести тысяч её у нас купит. Только нам-то было ясно, что мы и больше за неё можем получить. Да у этого жулика аж руки вспотели, когда он её рассматривал. Потом мы на квартире у Антона сидели и кумекали, что дальше. Ну и этой мадаме письмо написали. Что типа брошь у нас и что за триста тысяч она её получит назад. А свой ответ пусть оставит в водосточной трубе у мясной лавки. Понятно, что всё это было анонимно, чтоб она на нас полицию не вызвала. А она возьми и согласись! Оля, та тётка нам написала, что брошь эта ей позарез нужна, что иначе ей конец. Полицию вызывать не будет, всё типа должно быть под строжайшим секретом. Деньги нам даст, где встретимся... – Михалыч выдохнет, чтоб набрать воздух для продолжения: – Оля, полиция считает, что это вроде я Антона убил. Но я-то тут абсолютно ни при чём!

Тишина. Вдруг по его лицу пробежит тень улыбки.

– А всё-таки ловко он это сделал, даже я с трудом это место нашёл. А сейчас я здесь... чтобы это закончить. И за него. – Рука Михалыча на лице Ольги Ивановны неожиданно ослабевает и опускается.

Ольга Ивановна жадно глотает это чувство свободы, проверяет на ошупь челюсть и осторожно пробует открыть рот. Сама не знает, будет ли в силах что-нибудь сказать. Но ещё прежде, чем она успеет выдать из себя хотя бы слово, Михалыч уже выбирается из кустов, отмеряет шагами расстояние, которое ему должен был сообщить Петрович, затем садится и спрятанной до этого в кармане ложкой начинает ковыряться в земле. Как на автомате он отсекает куски земли так, что они летят во все стороны. Время не ждёт.

В ногах Ольга Ивановна чувствует такую слабость, что не может встать и на коленях ползёт из укрытия за Михалычем. Вся в царапинах от кустов, но она просто должна это видеть.

Один удар в развороченную землю, и Михалыч достаёт стеклянную банку. Очистит её и повернёт крышку. Внутри что-то лежит: кусок ткани, перевязанный верёвкой.

– Боря! Тебе надо в полицию! Всё им рассказать, как мне сейчас, – заикаясь, проговаривает Ольга Ивановна. Михалыч не реагирует, его глаза прикованы к таинственному свёртку. – Боря! Раньше, чем они тебя сами поймают и начнут допрашивать, – настаивает она.

– Я знаю, что мне надо делать! Завтра я ей это передам, всё уже договорено, Оля.

– А что если Петровича из-за этого и убили? Они и тебя убьют!

Неожиданно он посмотрит на Ольгу Ивановну:

– И точно... – на мгновение задумается, потом бросит на неё неумолимый взгляд: – Тогда ты это возьмёшь к себе.

– Чего?!

– Я в полчетвёртого к тебе за этим приду. В четыре эта баба будет ждать у ворот на старую фабрику, – про себя рассчитывает он. – Вроде должен успеть.

– Боря, я это к себе не хочу! – Ольга Ивановна отстраняет от себя его протянутую руку со свёртком.

– Ерунда! Ты должна это у себя спрятать. Кто-нибудь знает, что ты сюда пошла? Тебя кто-нибудь видел?

– Нет, в доме тихо было... Я никого не встретила.

– Ну вот видишь. Возьми это к себе, а в полчетвёртого я за ним приду, и ты снова вздохнёшь свободно, обещаю.

Свёрток перекачывает в её руки.

– Но если не придёшь... – она ещё пытается возражать.

– Да с чего я не приду-то, баба ведь ждёт. И чем раньше это будет сделано, тем всем будет на душе спокойней. Ну, договорились. Пойдём, я тебя до дверей провожу. Мне надо исчезнуть, пока опять тут кто-нибудь вынюхивать чего не начал.

Две тёмные фигуры уходят, Ольга Ивановна с драгоценным свёртком в кармане.